

ГЛАВА ПЯТАЯ "ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УМИРОТВОРЕННОСТЬ" XV в.

Одним из самых высших культурных достижений древней Руси явился идеал человека, созданный в живописных произведениях Андрея Рублева и художников его круга.

Ни живописный идеал человека, ни литературный не развивались только в пределах своего искусства. Идеал человека создавался в жизни¹ и находил себе воплощение в литературе и живописи. Этим объясняется то общее, что есть между разными видами искусств в изображении идеальных человеческих свойств. Но одно из искусств может быть ведущим для данной эпохи и развиваться быстрее других. В XV в. живопись явно опережала литературу.

Своеобразная эмоциональная созерцательность в изображении людей в высокой степени свойственна произведениям Андрея Рублева.

Творчеству Андрея Рублева и художников его круга в русской литературе XV в. может быть подыскано только одно соответствие - "Повесть о Петре и Февронии Муромских", рассказывающая о любви муромского князя Петра и простой крестьянской девушки Февронии - любви сильной и непобедимой, "до гроба"².

Буря страстей, поднятая в литературе произведениями Епифания и Пахомия Серба, вскипевшая в огромном Русском Хронографе, здесь, в "Повести о Петре и Февронии", сменилась тишиной умиротворенного самоуглубления, эмоциональностью, отвергнувшей всякую аффектацию.

Феврония подобна тихим ангелам Рублева. Она "мудрая дева" сказочных сюжетов. Внешние проявления ее большой внутренней силы скупы. Она готова на подвиг самоотречения, победила свои страсти. Ее любовь к князю Петру потому и непобедима внешне, что она побеждена внутренне, ею самой; подчинена уму. Вместе с тем ее мудрость - не только свойство ее ума, но в такой же мере - ее чувства и воли. Между ее чувством, умом и волей нет конфликта: отсюда необыкновенная "тишина" ее образа.

Первое появление в повести девушки Февронии запечатлено в зрительно отчетливом образе. Ее находит в простой крестьянской избе посланец муромского князя Петра, заболевшего от ядовитой крови убитого им змея. В бедном крестьянском платье Феврония сидела за ткацким станком и занималась "тихим" делом - ткала полотно, а перед нею скакал заяц, как бы символизируя собой слияние ее с природой. Ее вопросы и ответы, ее тихий и мудрый разговор ясно показывают, что "рублевская задумчивость" не бездумна. Она изумляет посланца своими вещими ответами и обещает помочь князю. Сведущая в целебных снадобьях, Феврония излечивает князя, как Изольда излечивает Тристана, зараженного кровью убитого им дракона.

Несмотря на социальные препятствия, князь женится на крестьянской девушке Февронии. Как и любовь Тристана и Изольды, любовь Петра и Февронии преодолевает иерархические преграды феодального общества и не считается с

мнением окружающих. Чванливые жены бояр не влюбились Февронию и требуют ее изгнания, как вассалы короля Марка требуют изгнания Изольды.

Князь Петр отказывается от княжества и уходит вместе с женой.

Животворящая сила любви Февронии так велика, что жердья, воткнутые в землю, расцветают в деревья по ее благословию. Крошки хлеба в ее ладони обращаются в зерна священного ладана. Она настолько сильна духом, что разгадывает мысли встреченных ею людей. В силе своей любви, в мудрости, как бы подсказываемой ей этой любовью, Феврония оказывается выше даже своего идеального мужа - князя Петра.

Их не может разлучить сама смерть. Когда Петр и Феврония почувствовали приближение смерти, они стали просить у бога, чтобы умереть в одно время, и приготовили себе общий гроб. После того они приняли монашество в разных монастырях. И вот, когда Феврония вышивала для храма богородицы "воздух" для святой чаши, Петр послал ей сказать, что он умирает, и просил ее умереть с ним вместе. Но Феврония просит дать ей время дошить покрывало. Вторично послал к ней Петр, велел сказать: "Уже мало пожду тебя". Наконец, посылая в третий раз, Петр говорит ей: "Уже хочу умереть и не жду тебя". Тогда Феврония, которой осталось дошить лишь ризу святого, воткнула иглу в покрывало, обертела о нее нитку и послала сказать Петру, что готова умереть с ним вместе. Так и Тристан оттягивает час своей кончины. "Срок близится,- говорит Тристан Изольде,- разве мы не испили с тобою все горе и всю радость. Срок близится. Когда он настанет, и я позову тебя, Изольда, придешь ли ты?" "Зови меня, друг,- отвечает Изольда,- ты знаешь, что я приду".

После смерти Петра и Февронии люди положили тела их в отдельные гробы, но на следующий день тела их оказались в общем, заранее приготовленном ими гробу. Люди второй раз попытались разлучить Петра и Февронию, но снова тела оказались вместе, и после этого их уже не смели разлучать. Так же точно в победе любви над смертью Тристан спускается на могилу Изольды цветущим терновником (в некоторых вариантах романа о Тристане и Изольде тела их оказываются в одном гробу). Образы героев этого рассказа, которых не могли разлучить ни бояре, ни сама смерть, для своего времени удивительно психологичны, но без всякой экзальтации. Их психологичность внешне проявляется с большой сдержанностью.

Отметим и сдержанность повествования, как бы вторящего скромности проявления чувств. Жест Февронии, втыкающей иглу в покрывало и обертывающей вокруг воткнутой иглы золотую нить, так же лаконичен и зрительно ясен, как и первое появление Февронии в повести, когда она сидела в избе за ткацким станком, а перед нею скакал заяц. Чтобы оценить этот жест Февронии, обертывающей нить об иглу, надо помнить, что в древнерусских литературных произведениях нет быта, нет детальных описаний - действие в них происходит как бы в сукнах. В этих условиях жест Февронии драгоценен, как и то золотое шитье, которое она шила для святой чаши.

Это особый стиль в изображении человека. Объяснение этому стилю не может быть найдено непосредственно в изменениях социальной действительности. Тем

более, что он не внес общего переворота в литературу или по крайней мере, в значительную ее часть. По-видимому, дело здесь обстоит сложнее. Возможно, что в создании этого стиля скрестились воздействие, фольклора³ с какими-то малоизвестными нам областными культурными традициями: муромскими, тверскими, новгородскими. Смерть Михаила Александровича Тверского, смерть князя Ивана Красного - описаны в летописи с элементами этого же стиля.

В русской живописи на рубеже XIV и XV вв. наиболее близко этому стилю "психологического умиротворения", как мы уже отмечали, творчество Андрея Рублева. Стиль психологического умиротворения представлен в живописи, как и в литературе, лишь немногими произведениями.

Среди шумной экспрессии хронографического стиля появление "Повести о Петре и Февронии" воспринимается как антитеза ему, как примирение того, что казалось непримиримым в эмоционально-экспрессивном стиле. То же самое и в творчестве Андрея Рублева, если его сопоставить с произведениями Феофана Грека и близкого ему круга.

Икона обращена не просто к зрителю - она обращена к молящемуся для стиля монументального историзма XI-XII вв. характерны изображения, обращенные не к индивидуальному молящемуся, а к молящейся пастве в целом. Эти изображения требуют песнопений и громких молитв, торжественных богослужений. В иконах Рублева иное. XIV век был временем распространения исихазма с его учением о безмолвии. Изображения как бы замкнуты в себе, святые погружены в задумчивость и требуют от молящегося безмолвной созерцательности, уединенной молитвы. Такова в первую очередь икона "Троицы", написанная в похвалу Сергию Радонежскому. Ангелы, символизирующие собой три лица Троицы, погружены в грустную задумчивость, и молящийся вступает в общение с иконой путем "умной" (мысленной) молитвы. Ангелы слегка обращены друг к другу, не мешая друг другу и не разлучаясь. Они находятся в триединстве, основанном на любви. Тихая гармония Троицы вовлекает молящегося в свой особый мир.

Лучший знаток и истолкователь творчества Андрея Рублева Н. А. Демина пишет: "Общение ангелов безмолвно, оно только мысленное. Склонение и самоуглубленный взгляд среднего ангела как бы внушает правому мысль о необходимости жертвы. Едва приметное в ответ движение глаз вверх дает понять, что тот воспринял повеление и размышляет о нем. Покорно и задумчиво склонение третьего ангела в сторону среднего. В его облике отражены мир, тишина и согласие, завершающие все действие"⁴.

¹ Н. А. Демина. Черты героической действительности XIV-XV веков в образах людей Андрея Рублева и художников его круга. Труды Отдела древнерусской литературы (ОДРЛ) Института русской литературы Академии наук СССР, т. XII. М. - Л., 1956.

² Тексты первой редакции: М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии. (Тексты). Труды ОДРА, т. VII, М.- А., 1949.

³ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке. Труды ОДРЛ, т. VII.

⁴ Н. А. Демина. "Троица" Андрея Рублева. М., "Искусство", 1963, стр.48.